

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

СОВРЕМЕННЫЙ ВЕК И ЕГО СВЯТЫНИ (Продолжение)

Аннотация. В колонке речь идет о значительном аксиологическом повороте, который характерен для нашей эпохи. Особое внимание уделено смыслу жизни как регулятивному понятию. Отмечаются различные подходы к изучению смысла жизни, дается типология различных смысложизненных ориентаций. Анализируются ценности наших дней.

Ключевые слова: педагогика, психология, история, ценности, аксиология, культура, социология, ориентации, стандарты, смысл жизни.

Стоический идеал

Известный австрийский ученый В. Франкл полемизирует с правомерностью гедонистической установки, с позицией З. Фрейда. В действительности, отмечает он, — удовольствие — не цель наших устремлений, а следствие их реализации. На этот факт указал еще Кант. А в отношении эвдемонизма М. Шелер отметил, что не удовольствие предшествует действию как его цель, а, напротив, действие «несет на своей спине» удовольствие. Вероятно, существуют особые состояния или обстоятельства, при которых удовольствие действительно может представлять собой цель волевого акта¹.

Франкл пишет: «Помимо этих особых случаев теория принципа удовольствия не учитывает существенно целенаправленный характер всей психической активности. В целом же человек хочет не удовольствия, а именно того, чего он хочет. Предметами человеческого хотения могут быть разные вещи, в то время как удовольствие остается всегда одним и тем же — как в случае ценностно-ориентированного поведения, так и в противоположном случае. Отсюда можно заключить, что признание принципа удовольствия должно было бы привести к нивелированию всех возможных целевых установок человека»².

Для зрителя в театре не так уж важно, смотрит ли он трагедию или комедию. Для него важнее содержание представления. И, конечно, никто не

станет утверждать, что определенное число неудовольствия, которое может быть вызвано в душах зрителей при переживании на происходящей на сцене трагедии, является целью их посещения театра; тогда всех театралов можно было бы рассматривать как скрытых мазохистов. «Мы можем окончательно опровергнуть утверждение, что удовольствие является конечной целью всех, — а не только конечным итогом отдельных — устремлений таким образом, что мы перевернем это утверждение. Если бы, например, Наполеон действительно проводил свои сражения лишь затем, чтобы доставить себе чувство удовольствия от их победоносного исхода (то же самое чувство удовольствия, которое какой-нибудь простой солдат доставляет себе самым простым способом — например, едой, алкоголем и проститутками), тогда «последняя цель» последних наполеоновских сражений, «конечная цель» наполеоновских поражений, должна была бы заключаться, напротив, в чувстве неудовольствия, которое следовало за поражениями так же, как чувство удовольствия следовало за победами»³.

Можно согласиться с В. Франклом, что смысл жизни не может быть в одном удовольствии. Во-первых, постоянное наслаждение создает пресыщение. Известно, что когда Швеция достигла идеала потребительского рая, там тотчас подскочила статистика самоубийств. Если бы удовольствие действительно составляло смысл жизни, тогда жизнь не имела бы никакого смысла. Во-вторых, если руководствоваться статистическими данными, то можно утверждать, что нормальный человек в среднем в течение дня

¹ Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.

² Франкл В. Психотерапия на практике. СПб, 2000. С. 24-25.

³ Там же. С. 25.

испытывает несравненно больше эмоций неудовольствия, чем удовольствия.

Несостоятельность принципа удовольствия в качестве максимы сохранялась бы и тогда, если бы он действительно происходил, как об этом пишет З. Фрейд в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия». «В психоаналитической теории, — пишет Фрейд, — мы без сомнений принимаем положение, что ход психических процессов автоматически регулируется принципом наслаждения, то есть мы считаем, что этот процесс каждый раз возбуждается связанным с неудовольствием напряжением и затем принимает такое направление, что его конечный результат совпадает с уменьшением этого напряжения — с избеганием неудовольствия или с порождением удовольствия»⁴.

По мнению Франкла, с постулированием лютого, пусть даже универсального, принципа, с констатацией каких-либо космических тенденций вообще, с этической точки зрения еще совсем ничего не выяснено. «Проблема только начинается с вопроса, должны ли мы подчиняться таким тенденциям — там, где мы можем обнаружить их в нашем собственном душевном мире. Можно было бы также обоснованно предположить, что наша собственная задача состоит как раз в том, чтобы противостоять господству подобных как внешних, так и внутренних давлений»⁵.

Радость, рассуждает Франкл, может сделать жизнь содержательной только тогда, когда она имеет смысл. Ее узкий смысл не может, однако, заключаться в ней самой. На самом деле он лежит вне ее. Радость каждый раз направлена на предмет. Шелер показал, что радость — целенаправленное чувство, в противоположность простому удовольствию, которое он причисляет к ненаправленным чувствам, к чувствам, соответствующим определенному состоянию, к «чувствам-состояниям»⁶.

Шелер указывает при этом на тот факт, что это различие находит свое выражение уже в повседневном языковом употреблении: удовольствие испытывают по поводу чего-то, а радуются чему-то. Радость никогда не может быть самоцелью. «Всякая человеческая личность, — пишет Франкл, — представляет собой нечто уникальное, и каждая из ее жизненных ситуаций неповторима. Эта уникальность и неповторимость проявляются и в конкрет-

ной задаче человека. Каждый человек может в каждый данный момент иметь только одну-единственную задачу; но именно это своеобразие составляет абсолютной этой задачи. Следовательно, хотя мир и рассматривается в перспективе, но каждому участку его соответствует лишь одна верная перспектива. Таким образом, существует абсолютная верность не вопреки, а как раз благодаря перспективной относительности»⁷.

Французский социолог Ж. Эллюль выстраивает последовательную критику гедонистической установки. Полемизуя с социологом В. Скардильи, который убежден, что общество потребления «реабilitирует личность», Ж. Эллюль отмечает: «В. Скардильи считает, что общество потребления восстанавливает человека. Человек предполагается, как принцип и как конечная цель экономической деятельности. Отныне изобретают новшества во имя его. Конечная и материальная нужда уступает место желанию, а бесконечность вещей стремится к бесконечности желаний. Допустим. Но какой человек? Универсальный потребитель, а желание — чего попало. Это ли идеал человеческий, к которому мы должны стремиться? А с другой стороны, этот же Скардильи объясняет нам, что этот новый человек может быть «произведен», напоминая нам о прогрессе медицины, со множеством банальностей, о терапевтическом создании комфорта с устранением боли, об эстетической медицине, приносящей красоту всем желающим и т.д.»⁸

Сторонники гедонистической установки хотят «изобрести человека». Французский философ А. Жакар заимствовал этот титул у Ж. Сартра, который обозначил им идеальную цель исторической деятельности. Ему кажется, что невообразимая мощь человека подталкивает к преобразованию самого человека. Мы обречены, пишет Жакар, изобретать человека, учитывая преобразование техники. Первый решающий прорыв — появление хомо сапиенс состоялся давно. Сегодня пора другого прорыва⁹.

Но какого человека надо создать? Сразу же отвлечемся от кибера, человека-компьютера, которому внедрились электроды в мозг и которые великолепно выполняют то, что ему приказывают. Такая ориентация более соблазнительна. Здесь рождается возможность союза с генной инженерией. Оплодотворять искусственно, сохранять зародыш «инвитро», производить клоны, осуществ-

⁴ Фрейд З. По ту сторону наслаждения // Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 194.

⁵ Франкл В. Психотерапия на практике. СПб, 2000. С. 28.

⁶ Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 167.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Эллюль Жак. Технологический блеф. СПб, 2001. С. 40.

⁹ Jacquard A. Inventer L home. P., 1984.

влять инкубацию оплодотворения, бесконечно воспроизводить одну и ту же модель, тонко исправлять недостатки плода, оплодотворять женщину неизвестной спермой, сохранять сперму «великих людей» и т.д.

Все теперь можно, чтобы сфабриковать человека, которого мы захотим. Но именно в этом пункте книга Жакара кажется мудрой и нужно воспринимать ее скорее как предупреждение, нежели великолепное открытие. К счастью, сам Жакар весьма осторожен: мы можем с помощью генной инженерии сделать многое, но куда нам следует идти? Может быть, с дебильной настойчивостью спускать с конвейера сотню Эйнштейнов? Где путеводная нить и пределы человеческого суждения? Как бы далеко мы не пошли бы за ответами, вопрошание, сомнение не покинут нас.

Наше знание не располагает в том же измерении, что и наши сомнения. Грандиозный опыт генной инженерии наталкивается на гигантское препятствие и никто не способен ответить на простой вопрос: какого именно человека мы хотим изобрести? Прежде всего, умного? Прежде всего, религиозного? Образцово мышечного? Физиологически прекрасно уравновешенного? Альтруиста? Эгоиста? Прекрасно интегрированного в коллективе? Весьма восприимчивого к красоте? Вооруженного критическим мышлением, что предполагает автономность личности?

Можно, к примеру, сказать: хотим разного, пусть в нем будут разные люди и разные сценарии жизни. Но это невозможно. Нужно выбирать. Нельзя, допустим, получить человека одновременно рационального и высокодуховного, образцово мышечного и религиозного... Когда в романах нам предлагают модели нового человека, то сразу рождается ужас перед этим типом — либо гения зла либо героического болвана. Ни ученые (психологи, социологи), ни моралисты, ни философы не способны создать модель идеального человека, который достоин технического воспроизводства.

Однако, допустим, мы знаем, какой человек нам нужен? Нам понятен антропологический идеал, который мы осуществляем? Что тогда? Такой воплощенный тип не располагал бы свободой. Ведь это мы запрограммировали его, учитывая малейшие детали. Но что такое человек, лишенный свободы? Известно, что французский исследователь Ж. Ростан, который работал с зародышами жабы в 1960 году, сказал: «Я могу теперь изготавливать жабу с двумя головами и пятью лапами, но я не в состоянии смастерить супержабу». Человек, сконстру-

ированный генной инженерией, ни в коей мере не супермен. Возможно, генная инженерия способна исправить некоторые дефекты, заполнить лакуны природы, предотвратить психологические или физиологические драмы. Но пусть она остановится на этом.

Человек, о котором В. Скардили пишет как об идеале, абсолютно пассивен. Он целиком перепоручил себя науке, менеджерам человеческого уюта. Он вообще переходит в разряд технических аппаратов. Компьютер не может изобрести человека. Мы мечтаем о новом человеке, но не в состоянии осознать характер будущей мутации. Человек в соответствии с учением Сократа отличается от человека по Будде. Но обе эти модели не подходят на экономического человека.

Идея воспитания человека мудрого, уравновешенного, использующего технические мощности для общего блага, рождает сомнение: можно ли передать такому человеку неслыханные возможности? О чем идет речь — о Прометее или о ницшеанском идеале сверхчеловека? Последний образ более вероятен. Напомним также, что любые попытки искусственных вмешательств двойственны. Они нередко порождали порочные тенденции. И дело совсем не в том, что тут выявлялась недостаточность технических или научных возможностей. Невозможные следствия присущи любому феномену. Невозможно иметь чистые прогрессы.

Религиозный идеал

По мнению Н.А. Бердяева, жизнь должна иметь смысл, чтобы быть благом и ценностью. Но смысл не должен быть почерпнут из самого процесса жизни. Он должен возвышаться над жизнью. Оценка с точки зрения смысла всегда предполагает возвышение над тем, что оценивается. Мы принуждены признать, что есть какая-то истинная жизнь в отличие от ложной и падшей жизни. Кроме биологического понимания жизни есть духовное. Оно предполагает не только человеческую, но и божественную жизнь. По мнению Н.А. Бердяева, жизнь может стать для нас символом высшей ценности, высшего добра, но и сама ценность, само добро есть символ подлинного бытия, а само бытие есть лишь символ последней тайны.

Развивая эту мысль, Бердяев подчеркивает, что смысл человека всегда лежит в Боге, а не в мире, а не в природном. Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть, и если в нашем мире не было бы смерти, то жизнь была бы лишена

смысла. Жизнь, по мнению Н.А. Бердяева, благородна только потому, что человек предназначен к другой, высшей, жизни.

Русский философ отмечал, что в человеческом вопрошании о страдании наибольший интерес представляет буддизм, стоицизм и христианство. «Эти три ответа, — писал он, — и сейчас являются основными. Стоическая борьба со страданиями есть и у тех, кто ничего не знает о стоиках. Буддизм и стоицизм не принимают страдания, хотят уйти от него и этим уходом получить облегчение. Христианство принимает страдание, принимает крест и в просветленном перенесении страдания ищет освобождения и спасения. Буддизм не принимает мира, хочет победить желание, привязывающее к миру и достигнуть нирваны, которое не есть небытие, как обычно думают западные люди, и лежит по ту сторону бытия и небытия, не есть ни существование, ни не-существование»¹⁰.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский полагает, что смысложизненные ориентации должны непременно иметь неземные истоки. Мы, отмечает он, зерно, положенное в землю. И поэтому нам сейчас не видна поверхность вселенной, та истинная картина природы, которая откроется нашим глазам в минуту так называемой смерти. «Что такое смерть, — пишет он. — Смерть — это вовсе не гроб, не балдахин, не черная повязка на руке, не могила в глине. Смерть — это, когда росток жизни нашей вылезает на поверхность земли и станет под прямые лучи Божьего солнца. Умереть и прорасти зерно жизни должно именно здесь, в земле. Это так называемое в Евангелии «рождение духом», «второе рождение» человека. Смерть же тела есть оставление ростком земли, выход из земли. Всякого человека, получившего хотя бы самую маленькую духовную закваску, хотя бы самую незначительную евангельскую жемчужинку «внутри себя» ожидает совсем не смерть, и даже далеко не смерть. Для мертвых же духом, конечно, гробы, могилы, черные повязки — это все реальности»¹¹.

Архиепископ полагает, что физическим глазам смысл жизни не виден. Но в него очень легко, более чем легко поверить, подумав над собой и над Евангелием. Об этом смысле кричит вся природа: о нем начинает кричать всякая пробудившаяся душа

человека. Трудно теоретически представить себе человека, который атеистически прожив на земле «так, как будто ничего нет», вдруг очутится лицом к лицу с реальностью, не только более яркой, чем наша земля, но даже превосходящей все наши понятия о реальности.

Но религиозный смысложизненный идеал может принять и мессиански-агрессивный характер. Сегодня могущество бесчеловечности и действительность ненависти претерпевает опасные мутации. Новый терроризм объявил об отрицании всего. Никакие географические, нравственные или идеологические ограничения не могут умиловить его. Он режет своих не меньше, чем иноземцев. В этом постоянном нарушении всяческой сдержанности, диктуемой обычаями и нравами, он утверждает ужасное буйство. Ненависть ползет, как фукидидова «чума» — не чисто психологическая бубонная зараза, но полное расстройство рассудка, овладевающее и телом, и разумом, и людскими сообществами.

Французский философ А. Глюксманн предлагает проследить интеллектуальную историю ненависти. Активный нигилизм, отрицание жизни стали заметной приметой нашего времени. Он находит свое выражение в стиле исламиста-головеца, может беззаботно творить зло, поскольку зла нет, — и он спасает свои жертвы от влияния Великого Сатаны. Разве не заверяла одна фатва убийц из алжирских вооруженных исламских групп, что детишки, которых они резали, избавлялись от жизни в страданиях, чтобы примчаться в рай на четвертой скорости?»¹²

Центральная проблема, которая волнует сегодня общественность — проблема самоидентификации в условиях взаимодействия культур. Что выражает сегодня понятие «американец». Это европеец (англичанин, испанец, француз, голландец)? Или это некий усредненный тип, сложившийся в результате смешения европейских этнокультурных цивилизаций с автохтонными американцами, афроамериканцами и азиатоевропейцами? Вопрос взаимодействия рас, этносов, культур становится одним из наиболее болезненных в современной структуре ценностных ориентаций.

Окончание в следующем номере

¹⁰ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. М., 1999. С. 107.

¹¹ Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 131.

¹² Глюксманн А. Философия ненависти. М., 2006. С. 52.